

Олег Тарасов

«ТЫ ИЗБРАН БЫЛ ДЛЯ СЛАВНЫХ РАТНЫХ ДЕЛ...»

Исторические поэмы

Олег Тарасов

**«Ты избран был для
славных ратных дел...»**

«Геликон Плюс»

2001-2024

УДК 82.1.161.1
ББК 84(Рос=Рус)6

Тарасов О. М.

«Ты избран был для славных ратных дел...» / О. М. Тарасов —
«Геликон Плюс», 2001-2024

ISBN 978-5-00098-468-0

В книгу входят три поэмы: "Полифем" – историческая поэма на основе древнегреческих мифов. "Сказ про храброго витязя, красну девицу и меч-кладенец" – историческая поэма-сказка на основе древнерусских легенд. "1825" – историческая поэма, созданная на основе документальных источников. Тарасов Олег Михайлович, преподаватель Санкт-Петербургского политехнического университета, кандидат технических наук, доцент. Окончил вечерние рисовальные классы при институте живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина.

УДК 82.1.161.1
ББК 84(Рос=Рус)6

ISBN 978-5-00098-468-0

© Тарасов О. М., 2001-2024
© Геликон Плюс, 2001-2024

Содержание

Полифем	6
Сказ про храброго витязя...	33
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Олег Тарасов
«Ты избран был для
славных ратных дел...»
Исторические поэмы

© Тарасов О. М., текст, иллюстрации, 2026

© «Геликон Плюс», макет, 2026

Иллюстрации автора

* * *

*Светлой памяти моих дорогих родителей —
Людмилы Ярославовны и Михаила Павловича*

Полифем

Историческая поэма на основе древнегреческих мифов. Согласно легенде, на рубеже XIII–XII веков до нашей эры началась война между греками и троянцами из-за похищения ими жены спартанского царя Менелая – прекрасной Елены. Девять лет греки осаждали Трою (Илион) и только на десятый воспользовались хитростью – соорудили гигантского деревянного коня и спрятали в нём самых отважных воинов. Троянцы восприняли это сооружение как примирительный дар и ввезли коня в город, разобрав часть крепостной стены. В результате подобного безрассудства, падение Трои было предрешиено.

Победоносно и жестоко завершив войну, греческие цари возвращались домой. Один из них, – Одиссей, – по пути на родную Итаку попал на остров (предположительно Сицилию), где в пещере жил страшный одноглазый великан Полифем, сын бога моря, пасший свой скот и питавшийся человеческим мясом. Греки смогли наказать Полифема, лишив его возможности приносить людям несчастья.

I

У чёрных скал гремит прибой,
То набегут, то вновь отступят
Морские волны, чередой
Штурмуя скользкие уступы.
Волчицей раненой взревев,
Когда она, припав на лапы,
В последней злобе хищный зев
Бессильно скалит с воем, с храпом;
Так разъярившийся прибой
То прогремит, то стонет зверем,
Но неприступных скал грядой
Стоит крутой гористый берег.

Забыв в минуты торжества
Свой страх перед Бореем быстрым,
Вдали морские божества
Резвятся в пене серебристой.
И, выйдя из пучины волн,
Поднявшись ввысь под небесами,
Владыка моря Посейдон
Трезубцем грозно потрясает.
И взмахом старческой руки
Сраженьем дивным управляя,
Он в бой всё новые полки
К мятежным скалам посылает.
Но в битве с каменной грядой,
Всю злость сорвав на чёрных скалах,
Они безропотной гурьбой
В морской пролив бегут устало...

Из мглы, простёртый в трёх морях,
Гористый остров вырастает.
Там вдоль расщелин чёрный мрак
Крадётся вверх, как волчья стая.
Низинами клубится пар,
С холмов в цветущую долину
Сбегают остролистый лавр,
Дубы и дикие маслины.
Там в тростниковых берегах
С горы летит поток бурливый,
Там на стрекочущих лугах
Пасётся стадо коз пугливых.
У вод, где диких роз дурман
И опьяняющий, и нежный,
Быки, не знавшие ярма,
В тени блаженствуют прибрежной.

И очевидно, что, в пути
Исколесив всю Землю даром,
Прекрасней места не найти
От Дарданелл до Гибралтара.
И если вдруг попасть в страну,
Где время льётся звонкой песней, —
Порыв восторга в тишину
Прорвался бы из вольных персей.

Кругом, куда ни бросишь взгляд,
Природа девственно дышала,
Здесь золотистый виноград
Лишь только туча орошала,
И, укрощённые уздой,
Не шли стада покорно к лугу,
Здесь пахарь чёрной бороздой
Не плёлся вслед за медным плугом...
Тяжёлый кровожадный рык
Летел из зарослей тенистых,
Пещера, хищно пасть открыв,
Над тихой заводью нависла.
Мелькнёт диковинный зверёк,
Наряд свой в тень пугливо пряча.
Казалось, этот уголок
Лишь для бессмертных предназначен...
Бездумно коротая век,
Здесь можно жить, забыв печали.
Но даже храбрый человек
Боялся к острову причалить.

Отсюда дерзкий мореход

Гнал лодку, волю дав испугу,
И птиц косяк вдоль сонных вод
Устало отклонялся к югу...
И лишь один седой вулкан
Взирал вокруг угрюмо, дико —
Здесь одноглазый великан
Всему судья, всему владыка.

Здесь одноглазый Полифем,
Прибрежных чёрных скал властитель,
Циклоп, безмерно гордый тем,
Что Посейдон – его родитель,
В гигантском гроте поселясь,
Где выход к морю только с юга,
Богов бессмертных не боясь,
Наводит страх на всю округу.
Свирепый, с грязной бородой,
Свисавшей до когтистых пальцев,
Он мог бы с каменной грядой
Огромным ростом потягаться.
И в поздний час, когда челнок
Вёл древний Гелиос к востоку,
Никто бы выдержать не смог
Рычанья грозного циклопа.

Он без дорог, как перст один,
Державным шагом властелина
Свои владенья обходил,
Сжимая в лапах ствол маслины.
Скрывался солнца уголёк,
На склонах Этны краски блёкли,
И лишь кровавили белок
В глазу зари вечерней блёстки...

Уж много лет прошло, как он,
Жестоким сердцем пламенея,
Был, словно юноша, влюблён
В морскую нимфу Галатею.
Корявым серпом шерсть убрав,
Гигантским гребнем расчесавшись,
Он даже свой звериный нрав
Смирил, свирель пастушью взявши.
Заслышав пение вдали —
Был полон страсти голос низкий, —
Свободней стали корабли
Ходить по водам сицилийским.

Тогда-то, осмелев совсем,
Причалил к скалам на закате

Известный в Греции Телем —
Судьбы великий предсказатель.
Он по полёту птичьих стай,
По знакам, людям незаметным,
Открыв циклопу тайну тайн,
Вещал с подножья древней Этны:
— Уж точно, горькую судьбу
Тебе я предсказать посмею —
Твой глаз единственный во лбу
Добычей станет Одиссея...
Но усмехнулся Полифем,
От предсказания холодея:
— Ты нагло лжёшь, глупец Телем,
Другая им уже владеет!

Свой посох из сосны кривой
Подняв движением могучим,
Он встал, цепляясь головой
За пробегающую тучу,
И проревев, что тот смешон,
Кто прорицателю поверит,
Нетвёрдой поступью пошёл
Облагороженного зверя.

Он шёл, взирая с высоты,
Как у камней ручей искрится.
Вдруг глаз от ужаса застыл
В его единственной глазнице:
В тенистом гроте между скал,
В лучах, водою отражённых,
Он Галатею увидал
И замер в позе напряжённой.
Её, забывшую про стыд,
От жарких ласк дыша неровно,
Прекрасный юноша Акид
Сжимал в объятиях любовных...

Земля качнулась — так могуч
Был голос силы небывалой.
Обрушив камни с горных круч,
Взревели грозные обвалы.
От страшных лап спасёт вода.
С крылатым ветром в беге споря,
Простившись с другом навсегда,
Успела нимфа юркнуть в море.
Акид стоял, прижат к скале
Тяжёлым ненавистным взглядом.
Дарило солнце свет земле,
Плескались волны где-то рядом.

На золотистых облаках
Зефир разнежился в истоме...
Предсмертно билась кровь в висках,
Хотелось жить до слёз, до стона.
Но край скалы любимцу нимф
Рассёк изнеженное тело,
Подтёки крови вспузырив,
Душа Акида отлетела.
Бледнеет кровь при свете дня,
Не прекращая кровоточить,
И, память горькую храня,
Среди камней забил источник...

* * *

Летели дни, подобно птицам,
С годами изменялся мир,
На золочёной колеснице
Бог-солнце облетал эфир.
Копыта свод небесный били,
Но, чтобы день сменить скорей,
Богиня Ньюкта выводила
Четвёрку вороных коней.
Быками правя без усилий,
Плыла Луна за Ночью вслед,
А звёзды из сосудов лили
На сонный мир дрожащий свет.
На побледневшем небосводе
Сверкал чудесный хоровод.
Но вот звезда Форос восходит —
Предвестник утренних забот.

В судьбой намеченные сроки
Ворота Солнцу отворив,
Стал разгораться на востоке
Пожар проснувшейся Зари,
Что весь Эгейский мир кропила
Росой из чаши золотой...
И замедляли бег светила,
Земли любуясь красотой,
Где, прилетев в лучах с небес,
На колоннады древних храмов
Спускался, быстр как мысль, Гермес
И зажигал волшебный мрамор.

Где сотворённое резцом,
Послушной кистью или словом

Навеки стало образцом,
Для подражания основой.
Где каждый вдох самой судьбой
Дарован людям как награда...
Любуясь сказочной землёй
С великим именем – Эллада.

II

В пещере затхлой и сырой,
Среди смердящего навоза
И яслей с высохшей корой
Томились ночью овцы, козы —
Копытами скользя в грязи,
Месили землю в тесном стойле,
И, луч случайный отразив,
Слегка поблёскивало пойло.

У входа – из камней завал —
Непроходимая громада.
Циклоп здесь только ночевал —
Он целый день ходил за стадом
Вдоль живописных берегов
И в глушь, где птицы ликовали,
И взгляд восторженный его
Ласкал синеющие дали.
Он наслаждался тишиной —
Наградой, так легко доступной,
Своим господством над страной —
От вод до каменных уступов.
Часами слушал шёпот трав,
Не знавших летнего покоса,
Но в полдень, от жары устав,
Садился в тень на склон утёса.
И, на утёс облокотясь,
От одиночества хмелея,
Подолгу в море пялил глаз,
Ища в пучине дочь Нерея.

А на закате без труда
Сгонял всё стадо в грот под вечер,
И капала со стен вода,
Мгновенья складывая в вечность.

Но часто среди мокрых скал
Он ночью на большой рогоже
Слова пророка вспоминал,

И проходил мороз по коже...
«Ну кто при этой силе всей
Меня лишить сумеет глаза?
Каков он, грозный Одиссей,
Что злой судьбой со мной был связан?
Быть может, выше тучи он,
Как великан, Землёй пленённый?
Каким он божеством рождён?
Какой стихией разозлённой?..»

Так проходил за веком век
В забытой временем пещере...
Но вот из моря вышел грек,
И грек ступил на дикий берег...

Нос корабля вошёл в песок,
Кренился борт неосторожно,
И звуки робких голосов
Повисли в воздухе тревожном.
Что там мелькнуло впереди?
Далёкий вой звучал всё громче.
— Большой огонь не разводи! —
На берег крикнул старый кормчий.

Уже смеркалось. Грел костёр
К огню протянутые руки.
Был сразу выставлен дозор,
Но боевые копья, луки
Держали греки под рукой.
Однако вскоре мрачный берег
Мог потревожить их покой
Лишь отдалённым воем зверя...

Шатром сплетался виноград,
Что густо рос на склоне кряжа,
И мяса сочный аромат
Ахейцам ноздри будоражил.
И у костра в кругу друзей
Все обрели былую доблесть.
В вечерней томной бирюзе
Разлился красноватый отблеск...

Вот козья туша испеклась,
Вино лилось из меха в чаши.
Герои пировали всласть —
Им был никто уже не страшен.

И вспоминали, словно сон,
За все свершения награду —

Как взят был в битве Илион,
Терпевший долгую осаду.
Как за отрядом шёл отряд
На штурм по склону мимо храма,
Как убивал у алтаря
Неоптоле м семью Приама.
Как взвился выше, чем огонь
И мощных стен зубчатый гребень,
Принёсший смерть огромный конь
На чёрно-синем звёздном небе...
Тот кровотокающий закат,
Что в волнах Ксанфа был расплёскан,
На стенах – греческий отряд,
В глазах людей – пожара блёстки.
Вокруг огонь, металла лязг,
Мольбы и стоны справа, слева...
Как Оилеев сын Аякс
Тащил растрёпанную деву
На поругание во храм —
Ту, что с болезненным румянцем
Троянцам гибель предрекла,
Но не поверили троянцы.
Её безвольный, слабый стон
И взгляд, безумно напряжённый,
И покорённый Илион,
Той красотой заворожённый...
Как позже, завершив войну,
Вёз в Спарту Менелай великий
Свою сбежавшую жену
Под пьяные ахейцев крики.

Погибших вспомнили друзей...
К костру поближе, в позе властной
Сел предводитель Одиссей,
Ко многим подвигам причастный.
Он был не молод и не стар,
Широк в плечах, во взгляде – разум.
Густой обветренный загар
В нём морехода выдал сразу.
Хитон скреплён узлом тугим,
Искусно складками прикрытым.
Улитки соком дорогим
Был пурпур мантии пропитан.

Он вспомнил дом в родной земле,
Младенца-сына лепет нежный,
Жену в слезах у кораблей
На итакийском побережье,
Не в силах мужа удержать,

Не осознав большого горя,
И Аргуса, что, хвост поджав,
Вслед грекам хрипло лаял в море.
Как не хотел идти войной
Вдоль берегов едва знакомых
Под Трою за чужой женой,
Свою на годы бросив дома...

Тут прозвучал условный крик —
Сигнал пришедшего дозора,
И все собрались слушать вмиг
Речь молодого Эльпенора:
– Мы с Перимедом шли в обход
Того холма, что с морем рядом,
Как вдруг в утёсе крайнем грот
Я обнаружил зорким взглядом.
Там тёмный лавр на склоне рос,
У входа разрастаясь пышно,
Глухое бляение коз
Со дна пещеры было слышно.
Подземный ход спускался вниз
И вдруг глазам моим открылось:
В плетёнках сыр овечий кис,
В кувшинах молоко искрилось.
Внутри проникал лишь слабый свет,
Однако я не ведал страха...
Но тут вмешался Перимед,
Внезапно выступив из мрака:

– Твою отвагу бы в боях
Нам лишний раз ещё проверить:
Он даже на полёт копья
Боялся подойти к пещере.
Все засмеялись. Перимед
Продолжил, опорожнив чашу:
– В жилище том порядка нет,
Сыр, молоко и простоквашу
Неведомый хозяин ест —
Он стадо пас и в гроте не был —
Но ни в одном из тайных мест
Я не нашёл в жилище хлеба.
Похоже, ростом он велик
И лучше сразу выйти в море.
Кто не вкушает хлеба – дик.
Искать с ним встреч – себе на горе.
Ещё до утренней росы
Зелёной медью взрежем волны...
А этот очень вкусный сыр
Мы донесли с трудом огромным!

Тут зашумели сразу все,
Свои догадки строил всякий.
– Что будем делать, Одиссей?
Ответь нам, мудрый царь Итаки!

Встал хитроумный Одиссей,
И сразу смолк тревожный говор.
– Негоже греку из гостей
Тайком бежать, подобно вору.
Быть может, уж не первый век
Там ждёт чудовище добычу,
Но тем разумный человек
От зверя дикого отличен,
Что, побывав по воле волн
Как в ближних странах, так и дальних,
Любой ценой стремится он
Постичь неведомого тайны.
По предначертанной судьбе
Нас от тепла отчизны милой
Необъяснимое к себе
Влечёт с неодолимой силой.
Что встретим мы в чужой земле?
Спасём ли в схватке жизни наши?
Ты, Эврилох, на корабле
Останься у ахейцев старшим.
Готовься вновь в морской поход,
Ушедших воинов ожидая,
Пока три раза не взойдёт
На небо Эос молодая.
Но после нас уже не жди.
И даже, если ветер встречный, —
На вёслах в море выходи —
Мы здесь останемся навечно...

Теперь же, греки, кто из вас
Готов идти со мной в пещеру
И встретить там того, кто пас
Свой скот? А этот тёмно-серый
Огромный мех с вином хмельным
Возьмём хозяину в награду:
Быть может, скорой встрече с ним
Как гости даже будем рады.

Закончил царь, его лицо
Являло мужество без меры.
Всего двенадцать храбрецов
Решили с ним идти в пещеру.
И вдоль песчаной полосы

Они пошли цепочкой ровной.
Последним шёл Нерита сын,
Взвалив на плечи мех огромный.

Уже с востока небосклон
Налился синевой в час поздний,
У горизонта Орион
Светился переливом звёздным.
И в перекрестия светил,
Где тьма неяркий луч гасила,
Взгляд любопытный поместил
Охотника гигантской силы.
С ним, как всегда, был верный пёс,
И великан, глядевший хмуро,
Большую палицу занёс,
Укрывшись прочной львиной шкурой,
На круторогого Тельца,
Что мчался по небесной тверди,
Не чуя близкого конца,
Взметая вихрем пыль созвездий...
Под впечатлением чудес
Ахейцы шли путём песчаным,
А звёзды сыпались с небес
И им дорогу освещали.

Но вот пещера из теней
Явила каменные своды.
Валун огромный перед ней
Лежал недалеко от входа.
Чуть дальше – россыпь крупных глыб
Служила как загон для стада,
Но руки смертных не могли б
На волос сдвинуть те громады.
Что за могучий чародей
Смог принести сюда такое?
И ужас охватил людей.
Лишь предводитель был спокоен:

– Не нам менять событий ход,
Ведь власть судьбы не знает меры... —
Сказал – и под высокий свод
Ступил в раскрытый зев пещеры.

Спустившись вниз вдоль скользких стен,
Они нащупали рогожу
И сели с трепетом гостей,
Приход которых был не прошен.
И стали ждать, смотря в проём,
Где звёзды радостно блестели.

И каждый думал о своём
Под редкий перезвон капли.

III

Вдруг до людей донёсся шум
В загон вернувшихся животных
И голос, что не может ум
Постичь – тяжёлый, низкий, плотный.
Его невыносимый тон
Не мог быть издан человеком,
Но стадо зверь загнал в загон
На языке, понятном грекам.
Тот голос вдруг теплел, стихал
И был на слух не столь противен,
Когда по именам он звал
В пещеру шедшую скотину.

Быть может, сбился зверь с пути,
Залюбовавшись небом звёздным,
Но только стадо привести
Сумел циклоп на редкость поздно.

И вот в проём за стадом вслед
Вошла гигантская фигура.
Весь поступавший звёздный свет
Был перекрыт. Лишь козы шкуры
Слегка скрывали наготу
Подобного скале уroda.
Он в грот спустился, в темноту,
Обрушив камни возле входа.

Но, словно что-то разгадав,
Он вдруг назад вернулся тихо
И, глыбу мощную подняв,
С трудом закрыл из грота выход.
И лишь затем спустился вниз,
Развёл огонь, где было суше,
Но лапы крепкие тряслись,
А страх закрадывался в душу.
Потом он подоил овец
И коз в увесистую кадку
И сосуна клал наконец
Под тяжесть сбросившую матку.

Но лишь когда большой огонь
Открыл всю необъятность грота,

В углу увидел греков он
И грубо крикнул сквозь зевоту:
– Кто там шевелится в углу,
Для глаза еле различимый,
Посмевающий разбросать золу
И грязью затоптать овчину?
Вы в наши дивные края
Пришли по синеве бездонной,
Так знайте – здесь владыка я,
Сын бога моря Посейдона!
Я всех пришедших по воде
Встречаю очень неохотно —
Чем жизнь влачить среди людей, —
Уж лучше жить среди животных!
Теперь признайтесь, до травы
Едва доросшие злодеи,
Из стран каких плывёте вы?
Потом решу, что с вами делать...

Всё громче рык, всё ближе пасть,
От страха никуда не деться,
И, потеряв над телом власть,
Войну прошедшие ахейцы
Открыли рты в немой мольбе,
Лишь царь, как прежде, был спокоен:
– Сын Посейдона, мы к тебе
Пришли, разрушив стены Трои...
Нас – греков, грозных во вражде,
От отчих стен к троянским землям
Вёл предводитель всех вождей —
Непобедимый Агамемнон.
Он вёл нас в дальнюю страну
И нёс разгром чужому краю,
Стремясь помочь вернуть жену
Родному брату Менелаю.
Враг девять лет стоял стеной,
Но год десятый стал победным:
Приама город золотой
Пал жертвой копий наших медных.
Но даже в злые времена
Путь силы был всегда рискован,
Ведь и кровавая война
Подчинена своим законам.
Но мы презреть посмели их —
Жестоко разгромили царство.
Мужей без счёта истребив,
Детей и жён забрали в рабство.

За необузданный разбой

На илионском пепелище
Мы были прокляты судьбой,
И в отчий дом, в своё жилище
Немногим было суждено
Вернуться по морской дороге...
Кто с кораблём пошёл на дно,
Кому разгневанные боги
Иную предрекли судьбу —
Скитаться по морям полжизни.
И корабли, устав от бурь,
Не могут путь найти к отчизне.

Мы, перед тем как плыть сюда,
Волшебный посетили остров.
Там крайне чистая вода
Весьма способствовала росту
Растения, что всех людей
К себе манило постоянно.
Ведь там рос лотос-чародей
Со вкусом сладостно-медвяным.
И если пришлый человек
Тот лотос ел от безрассудства,
Он оставался там навек
И не хотел домой вернуться.
Он забывал отца и мать
И лишь стремился неизбежно
Тот сладкий лотос поедать
На иноземном побережье...
Я много видел жутких мест,
Лишь чудом смерти избегая,
Но то страшнее всех чудес,
Что изнутри нас разлагает...

Два верных спутника моих
Зловещий лотос тот вкусили,
И помутился разум их,
Они лишь об одном просили —
Остаться здесь, в чужих краях:
Им отчий берег был не нужен.
Но к корабельным их скамьям
Я привязать велел потуже.
Мы плыли прочь от той земли,
Рыданиям и плачу внемля,
Пока все наши корабли
Не подошли к соседним землям.
Из них я выбрал без труда
Тот, что летел быстрее птицы,
И по волнам приплыл сюда,
Следя за солнца колесницей.

Мы еле шли вдоль горных троп
И в дом твой забрели без спроса...
– А где корабль?! – взревел циклоп.
– Корабль разбился об утёсы, —
Солгал циклопу хитрый царь, —
Позволь нам только обогреться,
Ведь боги всем велели встарь
Встречать с почётом иноземцев,
Что в дом заходят, трепеща,
От странствий нестерпимо жалки...
Зевс-громовержец завещал
Дарить тем странникам подарки.

– Что для меня твой грозный Зевс?
Безумцы лгут, что он великий.
Он мечет молнии с небес,
А мой отец – морской владыка!

И после этих слов злодей
Вдруг с рёвом бросился ужасным
На обезумевших людей
И в лапах сжал двоих несчастных.
Ударом о высокий свод
Он черепа разбил обоим,
А после, скаля хищный рот,
Их съел и плоть запил удоем.
Но сразу проглотить не смог
И, над ручьём склонившись прежде,
Вдруг выплюнул у самых ног
Ком окровавленной одежды.
Затем в бесстыдной нагоде
Разлёгся на рогоже чинно
И мозги слизывал с когтей,
И вытер кровь густой овчиной.
Но в этот миг бог сна Гипнос
Сморил чудовище внезапно...
Весь молодняк пугливых коз
Был перепуган мощным храпом.

Стояли греки не дыша.
Кошмарный сон –дохнуть нет силы.
В ознобе тело и душа...
И тут двоих из них стошнило.

Царь, в страшном гневе сам не свой,
Вдруг бросился вперёд без страха
И медный меч над головой
Занёс, стремясь единым махом

Циклопу печень проколоть
Во время сладостной дремоты,
Но передумал, ведь скалой
Был выход перекрыт из грота.
Вождь мыслил так: «Нам вместе всем
Вовек скалы не сдвинуть с места.
Умрёт циклоп, и вслед за тем
Умрём и мы в пещере тесной».
И опустил тяжёлый меч.
– Не мешкай, царь! – молили воины.
Едва звучала чья-то речь,
Но грозный Одиссей спокойно
Свой меч на место водворил,
На землю сел, зажмурил веки:
– Дождёмся утренней зари...
Пока что отдыхайте, греки.

Но как уснуть в такую ночь?
От жутких сцен, от страшных мук ли?
В субтропиках шёл сильный дождь.
В костре, краснея, гасли угли...

С лучом рассветным Полифем
Проснулся рано, как обычно,
Чихнул спросонья, а затем
Скот принялся доить привычно.
И после неотложных дел,
Как дикий зверь – всегда голодный,
Он вновь двоих несчастных съел
И молоком запил холодным.
Жестокий голод утолив,
Он взял огромную дубину,
Утёс от входа отвалил
И стал во двор сгонять скотину.
Но вновь скалой широкий вход
Он со двора задвинул плотно,
Затем на пастбище свой скот
Погнал со свистом беззаботным.

Царь, не желавший выдать слёз,
Грот обойдя до половины,
Заметил в закутке у коз
Ствол свежесрубленной маслины.
– Не бойтесь, верные друзья,
Вставайте, прекращайте ропот.
Раз убивать его нельзя —
Придётся ослепить циклопа!
Они на землю мощный ствол
Свалили вдоль стены бугристой

И в три локтя размером кол
Мечами отрубили быстро.
Царь лично заострил тот кол,
Сам обтесал сучки, наросты.
Приподнимая высоко,
Обжѣг в огне обрубок острый.
Ахейцы в высохший навоз
Зарыли кол у края кучи
И стали ждать, уже всерьѣз
Надеясь на счастливый случай.

Под вечер людоед домой
Со стадом поспешил на ужин.
Как в прошлый раз, крутой скалой
Был выход перекрыт наружу.
Он подоил усталый скот,
Когтѣм почёсывая веко,
А после всех дневных хлопот
Убил и съел ещё двух греков.
Затем разлѣгся перед сном,
Предавшись милому безделью.
Тут чашу с пенистым вином,
Склонившись, подал царь злодею.

– Отведай, Посейдона сын,
Дар Диониса вожделенный.
Он от божественной лозы
Доставлен с края Ойкумены.
В моей стране, что далеко
Цветѣт от края и до края,
Лишь дети козьим молоком
Обильный ужин запивают.
Но муж в цветущие года,
Когда он пьян – всегда бесстрашен
И духом крепок...

– Дай сюда! —
Сказал циклоп и выпил чашу.
И тут тепло пошло вдоль жил
От человеческого дара.
Хмельную голову кружил
Напиток, что под стать нектару.
Циклоп взревел:
– Твоѣ вино
Амброзии подобно светлой.
Лозы подобной уж давно
Я не вкушал на склонах Этны.
Оно по телу гонит кровь,
Как шаловливой нимфы ласки.
Ты имя мне своѣ открой —

Я одарю тебя по-царски.
Вторую чашу великан
При этом выпил в безрассудстве.
А после третьей уж в руках
Он удержать не мог сосуд свой.
Царь, глядя зверю прямо в глаз,
Ответил с мужеством завидным:
– Твоё величие для нас,
Когда ты пьян, яснее видно.
Ты имя знать хотел и мне
Подарок дать весьма желанный —
Я лишь *никто* в твоей стране,
Меня так звали постоянно
Отец и мать...
С открытым ртом
Циклоп икнул ужасным смрадом.
– Так вот, услужливый Никто,
Твои друзья не будут рады.
Ведь мой подарок не для них:
На завершающем обеде
Из всех оставшихся в живых
Лишь ты последним будешь съеден!

Циклоп безудержно хмелел —
Разбил горшки, сломал ограду,
Разлёгся на сырой земле
И в свод упёрся мутным взглядом.
Затем, качая в пасти зуб,
Он прорычал, от боли злобен:
– Я понял, грек, ты просто глуп
И зверю хищному подобен...
Мне сверху, с птичьей высоты,
Легко узреть, Никто безликий,
Как глубоко ничтожен ты
Среди красот природы дикой...
Ну что тебе мои слова...
Лишь нимфа... Скот на горных тропах...
Но тут упала голова,
И крепкий сон сковал циклопа.

Ахейцы свой заветный кол
Достали из навозной кучи.
Его конец в костре легко
Зажёгся краснотой трескучей.
Едва ступая босиком,
Несли, от страха холодея.
Царь подал знак – и жгучий кол
Вонзился в сонный глаз злодея.
И тут в звенящей тишине

Звериный рёв прошёл раскатом,
Все греки к каменной стене
Стояли ужасом прижаты.
Циклоп катался по земле,
Насквозь кострами прокопчённой.
В крови измазанный, в золе
Кол вырвал из глазницы чёрной.

Он выл:

– Пророк был прав лишь в том,
Что стану слеп во всей красе я!
Но мне же выжег глаз Никто,
А я боялся Одиссея!!!
Но вам отсюда всё равно
Вовек не выбраться наружу.
И, если будет суждено,
Я раньше всех поймаю мужа,
Что ослепил меня во сне,
Пронзив единственное веко,
И Посейдон поможет мне —
Он отомстит за сына грекам!

Никто вторую ночь не спал,
Пытаясь выйти из неволи...
Таились люди возле скал,
Циклоп надсадно выл от боли.

IV

С приходом утра крупный скот
Забеспокоился заметно:
Хотелось всем встречать восход
В предгорье живописной Этны.

Кряхтя от боли, людоед
Утёс от входа отодвинул,
И самый первый робкий свет
Взбодрил голодную скотину.
Зверь сел на землю, где проход
Сужался к выходу из грота,
И начал пропускать свой скот
Сквозь пальцы в поисках кого-то.
Он перекрыл из грота путь,
И хитрость очевидной стала:
На ощупь зверя обмануть —
Сложнее, чем раздвинуть скалы.
В надежде греков отыскать,

Среди камней – неуловимых,
Зверь гладил спины и бока
Животным, проходящим мимо.

Недолог путь скотине всей
Со дна пещеры до ограды.
– Решай скорее, Одиссей,
Пусть вразумит тебя Паллада!
Царь молча жестом приказал
На лыки распустить рогожу,
Затем из стада отобрал
Тот скот, что крепче и моложе.
По три барана к боку бок
Связали греки очень быстро
В надежде частоколом ног
Прикрыться от руки когтистой.
Под стук сердец друзей своих
Рогожей оплетали драной.
Привязан был один из них
Под каждым средним из баранов.

Зверь гладил скот по головам —
Скользил движением неверным,
И вот, циклопа миновав,
Во двор попал счастливец первый.
За ним последовал второй
И третий – под бараном средним...
Остался лишь один герой —
Сам царь, спасавшийся последним.
Вождь рисковал сильнее их
В борьбе с чудовищем безглазым:
Он мог привязывать других,
Но не был сам никем привязан.

Царь под барана-вожака,
Что позже всех покинул стойло,
Залез и в путь толкнул слегка
И в пальцах сжал руно густое.
Но крайне медленно довёз
Вожак царя до великана.
Циклоп, не удержавший слёз,
Погладил старого барана:

– Ах, если бы беззубым ртом
Ты мог поведать благодарно,
Где скрылся злейший враг Никто,
Что ослепил меня коварно!
Ты раньше гордо выводил
Послушный скот на луг зелёный,

Так что же нынче ты один
В конце плетёшься утомлённо?!
Как будто отягчила вдруг
Тебя неведомая ноша...
Иначе на цветущий луг
Не поспешил ты отчего же?
А может быть, в ночном бреду
Лишь ты, испытанный товарищ,
Сумел понять мою беду
И тоже тяжело страдаешь?

Дрожащей лапой зверь отёр
От слёз свою глазницу-рану,
А после выпустил во двор
Пасть последнего барана.

И вот – свобода! Одиссей
Поднялся на ноги скорее
И отвязал своих друзей
Под самым носом у злодея.
Ахейцы с трепетом сердец,
Удобной не ища дороги,
Погнали к кораблю овец,
Ягнят, баранов круторогих.
Старались разминать в пути
От пут страдающие члены,
Не смели слов произнести
И гнали скот попеременно.
Они глотали на бегу
Летающий к морю свежий ветер,
Что относил от грота гул,
И были счастливы, как дети.
Боязнь за собственную жизнь
Была забыта в гроте затхлом.
Ахейцам головы кружил
Густых лугов пьянящий запах.

Приподнимая грудь слегка,
Во сне посапывало море,
Под цвет парного молока
Рассвет спускался вниз в межгорье.
Ещё луч солнца не достиг
Пологих гор, вдали – нечётких,
Но пики вспыхнули на миг
Червонным блеском самородка.

Среди пустынных берегов
В рассветном слабом полумраке
Казалось грекам, будто вновь

Они родились на Итаке...

Но вот зажглась морская даль
На гребнях золотистым светом.
Готовый к странствиям корабль
Чернел далёким силуэтом.
Стучали волны тяжело
В большой валун, закрывший путь им.
Брат Пенелопы Эврилох
Махал с кормы бегущим людям.

Обнялись греки, словно год
Прошёл в разлуке истомившей,
И на корабль погнали скот,
Надсадно плача о погибших.
Но мудрый царь в массивы гор
С кормы тревожным взглядом впился
И, отведя от грота взор,
Отплыть скорее торопился.
– Друзей оплачете потом,
Погибших от руки злодейской!
И воды моря у бортов
От вёсел вспенились ахейских.

Лишь выйдя в море, царь сумел
Вздохнуть свободно в полной мере
И сразу кормчему велел
Поближе подойти к пещере.
– Уплыть на волю из «гостей»,
Не объяснившись, – крайне плохо...
– Не погуби нас, Одиссей! —
Раздался голос Эврилоха. —
Зачем чудовище дразнить,
Когда уже опасность в прошлом?!
Удач невидимую нить
Не надо пробовать на прочность!
– Я с ним согласен, – в разговор
Включился Перимед достойный, —
Когда вокруг морской простор,
Судьбу испытывать не стоит!

Но грозный царь, нахмутив лоб,
Прервал пустые разговоры:
– Ведь должен же узнать циклоп
Причину своего позора.
И почему в пылу борьбы
При силе всей остался слеп он,
Иначе промысел судьбы
Сочтёт случайностью нелепой.

Тогда полученный урок,
Что дал нам выбрать надежду,
Злодею не послужит впрок —
Он будет зверствовать, как прежде!

Корабль к утёсам подошёл
На выстрел из тугого лука,
И было видно хорошо,
Как зверь, не проронив ни звука,
Сидел с бедой наедине —
У ног его ласкалось море.
В плечах опущенных, в спине
Читалось искреннее горе.

Царь вышел к носу корабля,
Что был резьбой украшен тонкой,
На берег бросил грозный взгляд
И прокричал циклопу громко:

– Послушай, глупый людоед,
Людских не знающий законов,
Полезный в будущем совет,
Что был нам в детстве растолкован:
Пусть хоть всю жизнь тебе везло
И мог могуществом гордиться,
Но из семян, рождённых злом,
Лишь зло ответное родится.
И если было решено
Судьбой, что благосклонна к людям,
То самый сильный всё равно
Наказан самым слабым будет.
Теперь ты побоишься вновь —
И слепота – тому причина —
Преступно пить людскую кровь
И корабли топить в пучине.
А наказал при силе всей
Тебя, судьбы слепая жертва,
Я – царь Итаки Одиссей,
Сын благородного Лаërта!

– Так, значит, всё-таки сбылось,
Что мне сказал пророк великий! —
Завыл циклоп и вдруг утёс
С земли поднял с тяжёлым криком.

Затем занёс над головой,
Всю силу мышц собрав в утёсе,
И с высоты в простор морской
На ненавистный голос бросил.

Но в цель незримую валун
Был кинут им безрезультатно.
От камня мощную волну
Погнало к берегу обратно.
Корабль, подхваченный волной,
Зарыл свой нос в песчаный берег.
— Бог смерти здесь — передо мной! —
Промолвил Эврилох, робея.

В песок вонзив тяжёлый шест,
Корабль ахейцы оттолкнули.
Гребцы не покидали мест
И дружно вёслами взмахнули.

Лишь отойдя в морской простор
Намного дальше, чем вначале,
Царь вновь продолжил разговор:
— Ты раньше жил — не знал печали
От человеческой руки
И возгордился в высшей мере.
Страданий и невзгод людских
Ты избегал в сырой пещере...
Но только не понять вовек
Тебе, безглазому уроду:
Венец природы — человек —
Сильнее отпрыска природы!
О том, как ослепил врага,
Как ловко выжег глаз циклопий,
Я дома возле очага
Скажу со смехом Пенелопе!
Ещё скажу — тебе, злодей, —
Узнать полезно правду будет, —
Что страсть к вину в стране моей
Лишь горе приносила людям.
В беде ли, в счастье — всё равно
Не будет к чаше грек прикован —
Он в двадцать раз своё вино
Водой разбавит родниковой.

— О, мой родитель Посейдон, —
Стонал циклоп, — я стал калекой.
Пусть не увидит отчий дом
Никто из этих дерзких греков!
И если только Одиссей
Вернётся, скорбью умудрённый,
Пусть он непрошенных гостей
Застанет в доме разорённом!
Проплакав это, людоед
Взял камень вновь и с силой прежней

Его швырнул ахейцам вслед
С чужого людям побережья.
Почти что сразу за кормой
Упал валун на редкость крупный,
И вновь подхвачен был волной
Корабль – на этот раз попутной.

На небе следом за зарёй
Вставало дивное светило.
В лучах рассветных янтарём
На вёслах влага засветилась.
Весь мир наполнил солнца свет —
От вод Тирренских до Эгейских, —
И песню стал слагать аэд
О славных подвигах ахейских,
О том, как, словно в страшном сне,
Хмельному зверю выжгли око...

«Дела давно минувших дней,
Преданья старины глубокой».

2001

– Отведай, Посейдона сын,
Дар Диониса возжеланный.

— О, мой родитель Посейдон, —
Стонал циклоп, — я стал калекой.

Сказ про храброго витязя...

Историческая поэма-сказка на основе древнерусских легенд. Во времена зарождения Руси её защищал богатырь Святогор, несравненно превосходивший силой и ростом всех остальных витязей, но бывший не в состоянии надолго приехать на Русь из-за своего огромного веса, который с трудом, да и то недолго, выдерживала Земля. Согласно одной из легенд, меч Святогора был утерян и ждал появления достойного владельца.

В 1237 году монголо-татары напали на разобижённые русские земли. Все крупные города, кроме Новгорода, были захвачены. И лишь один человек был способен поднять меч Святогора и отвезти его в Новгород для князя Александра Ярославича, в дальнейшем прозванного Невским. Однако способный на это богатырь был слеп...

Из сумы достав гусли певчие,
Сядет в тень под куст отдохнуть баян.

Необъятна вширь степь просторная,
Посреди полей рекам нет числа,
Не заглянет луч в чащи чёрные,
Где с туманом мрак тайно шепчется.
От Онежских скал до морских границ
Нелегко найти той земли предел,
Лишь орёл степной, повелитель птиц,
Волны двух морей повидать успел.
Побывавшим здесь не хватает слов —
Рассказать про край, где не счесть богатств...
И от франкских стран шлют на Русь послов,
И спешат ладьи из варяжских царств.
Пейте, гости, квас и душистый мёд,
На чужой земле разве плохо вам?
Полюбуйтесь властью, как наш край цветёт
От стремнин Днепра и до Волхова!

Как разнежится солнце к вечеру
На речных лугах, где густой бурьян,
Из сумы достав гусли певчие,
Сядет в тень под куст отдохнуть баян.
Самогулов звук из высокой ржи
Привлечёт жнецов дивным голосом.
Поведёт рассказ звон воловьих жил
Про Перуна срам и про Волоса.
Будет петь старик, устремляя взгляд
Вдаль, где в поздний час меркнет свет зари,
Как повержен был золотой Царьград —
Византийцев твердь, возрождённый Рим.
Про отравы плеск в бурдюке с вином,
Про шеренги войск, булавы, пращи...
И как русский князь в кураже хмельном
На замок ворот свой повесил щит.

Старец будет петь про Собор святой,
Где за много вёрст от отечества
Сквозь плывущий ввысь полумрак густой
Благодать сошла веры греческой
На княгиню-мать, что лобзала крест.
В красоте — под стать сказке-небыли —
Мнился Ольге знак, ведь таких чудес
Отродясь в земле псковской не было.

К ночи стихнет всё, смолкнут звуки струн,
От заката след — дымка тусклая.
Жарит хлеб старик, наклонясь к костру.
Безмятежно спит земля русская.

Но спокойных лет не вернуть назад,
Вовлеклись князья в распри злобные.
«Это всё моё», – молвил брату брат.
И пошла у них брань усобная.
Войско рвётся в бой – только двинь перстом,
К высшей власти путь точно вымерен, —
Всякий князь хотел на великий стол
В славном городе, во Владимире.

Если внешний враг пожелал войны —
Жди убийств, разлук и других мытарств.
Тьмы монгольских войск к рубежам степным
Из песков пришли азиатских царств.
Христианский мир повергая в дрожь,
Их, не зная сна, сам – в шатре простом,
От родимых юрт вёл скуластый вождь.
Он на Запад шёл, покорив Восток...
Взяв в улус себе азиатский мир,
Подчинив Китай и Кавказа часть,
Он для внука был – полубог, кумир
И мечтал, что внук приумножит власть.

А на западе был тем временем
Заклужён союз немцев с Данией.
В Риге-крепости, в датском Ревеле
Собрались полки в ожидании
Боевой трубы зова грозного —
Выступать на Русь ослабевшую.
Весь цвет рыцарства крестоносного
Пыл воинственный еле сдерживал.
Шли в поход войска, шпоры клацали,
Жёны верные вслед рыдали им...
На дворе стоял век тринадцатый...
Это присказка, сказка – далее.

I

Шёл месяц март, весна, вступив в права,
С холмов стекала в снежную низину.
Белёсый диск, завесу туч прорвав,
Лучами гнал на север злую зиму.
Уже летел с подтаявших полей
Игривый ветер – посевной предвестник.
И небеса, прижатые к земле,
Поднялись ввысь, и стали звонче песни.

Где земли новгородцев подошли

К Торопецкому вольному уделу
(Что от смоленской отошёл земли),
Среди лесов без края, без предела
Село стояло, в кружево берёз
Вплетаясь изб оградой светло-серой,
Оно в тот век Берёзово звалось
И представлялось средним по размеру.
Летел с пригорка колокольный звон
От стройной церкви к речке неглубокой,
В тревожный час будил округу он
Невдалеке от волжского истока.

Владел Андрей Иванович селом —
Боярин родовитый и богатый.
Он год здесь не был — ехать тяжело,
А жил в Торопце, где имел палаты.
Давным-давно свалил медведя он —
Такого зверя лучше бы не трогать! —
Но в схватке был ударом заклеймён
И за глаза народом прозван — Коготь.
У Когтя сын был — юный Изяслав,
Красив лицом и грамоте обучен.
Его отец, на всё три года дав,
Послал учиться к педагогам лучшим —
Заморским грекам. Но боярский сын,
В учении упорный, аккуратный,
Хотя уже и отрастил усы,
Но думать не хотел о службе ратной.

Вторые сутки Коготь пировал,
Господский терем сотрясали крики,
В печи трескали чёрные дрова,
Сновала челядь, колыхались блики.
Кабанью тушу, куропаток рой
Гостям готовил иноземный повар.
Менялись блюда, в этот раз икрой
Хозяин угощал, и пьяный говор
Летел под свод, что был как у шатра,
Который башня крепкая венчала,
Под кубков звон с вином заморских стран
И мёда плеск в тяжёлых, узких чарах.

Среди прислуги, обносившей стол
Вином, что в поздний час текло потоком,
Была крестьянка юная в простом
Зелёном платье и с косой широкой.
Её, победу в битве одержав,
Привёз в село из ближнего похода
И сразу отдал Когтю для забав

Товарищ давний – грозный воевода.
Старик немел от взгляда тёмных глаз
Скрывавшей грусть красавицы Любавы.
Он повелел в Берёзово тотчас
Её отправить, как пробьются травы.
Мечтал хозяин приезжать тайком
Туда, где нет боярыни суровой,
Что за открытым сидя сундуком,
Могла полдня перебирать обновы.
Но, отправляя девицу в село,
Сумел Андрей Иванович заметить,
Как на душе у сына тяжело,
Как побледнел он, повод дав для сплетен.

Потом у них был долгий разговор,
И Изяслав почти не прятал злобу.
Отец рубахой бороду отёр
И отдал сыну пленницу-зязьбу.
Но повелел обратно не возить,
А навещать в Берёзове далёком,
И сын помчался следом во всю прыть
В отцовский терем, к волжскому истоку.
Однако из неблизкого села
Он приезжал всегда сердит и мрачен.
Все в белой пене были удила,
Да и наездник – только что не плачет.
Глядел на сына Коготь свысока:
– Опять его в такую даль носило!
Родил себе на горе дурака:
То, что имеет, взять не может силой!

Итак, в погожий вечер пировал
Могучий Коготь с сыном и дружиной.
Они кутили здесь уже дня два,
Был вызван их приезд причиной лживой.
Прервавшись после доброго глотка,
Вновь вспомнил Коготь бой в верховье Калки,
Как он в рядах Смоленского полка
Рукой вот этой в день безумно жаркий
Мечом рубил язычников окрест,
Из сёдел выбил двух нукеров хана
И пал бы в битве, если бы не крест,
Удар смягчивший под кольчугой рваной.
Как отступали, половцев кляня —
Кто речью прыток, – убегает первым, —
И как его на крупе у коня
Едва живого вывез Васька верный.

Казалось всем, что Коготь умирал,

До той поры, когда в родных палатах
Его жена, едва коснувшись ран,
Поцеловала крест, копьём промятый.
Боярин встал, но преданный слуга,
В те годы – отрок пятнадцатилетний,
Шеломом встретив палицу врага,
Внезапно понял, что с той битвы слепнет...

Но Изяславу слушать эту чушь
Претило. Он, попойки не одоблив,
Сидел и ждал, взирая на свечу,
Когда пойдёт Любава в тёмный погреб.
Вот девица взяла большой кувшин,
Неслышно скрылась за тяжёлой дверью,
И тут же резко встал боярский сын
С горящим взглядом поднятого зверя.
Он видел то, как мрачен Коготь стал,
Прогнал шутов кричащую ораву...
Тут Изяслав, сказав, что он устал,
Пошёл искать по терему Любаву.
Он вслед за ней, впотьмах слегка дрожа
От холода и мыслей сладких, грешных,
Шёл между стен второго этажа
С бойницами в дубовых стенах внешних.

У спуска вниз он смог её догнать,
Схватил за локоть, повернул навстречу.
Она, кувшин стремясь к себе прижать,
Глядела молча, лишь поникли плечи,
И колыхались тени на полу
От пламени свечи в подставке медной.
Нетвёрдо Изяслав стоял в углу,
Смущён, взъерошен и смертельно бледный.

– Я в сотый раз, Любава, повторю,
Что без тебя мне жизнь – неволи хуже.
Чуть мы в разлуке – как в огне горю,
А встану рядом – весь дрожу, как в стужу.
Три года я без устали сидел,
Над книгами латинян честно горбясь,
Но втайне на папирусе хотел
Запечатлеть неповторимый образ.
Он мне во сне перед концом поста
Пригрезился не раз в потоках света,
И смысл видений тех вдруг ясен стал —
Что буду проклят я за образ этот.
Но лишь тебя увидел в первый раз,
Как сразу понял я, что сон тот вещий
И нить судьбы связала вместе нас.

Всем правит рок – счастливый и зловещий.

Он подошёл, прижал её к стене,
За плечи обнял, стиснул пальцы крепко.
Она шептала в звонкой тишине:
– Я пленница, но не срамная девка!
Защиты нет, на помощь звать нельзя —
Как я тогда за жизнь родных просила! —
В любой момент ты можешь меня взять,
Но не добром, а разве только силой!

Он перебил, ловя её уста
Уже во тьме – свеча в борьбе погасла:
– Мне не нужна насильно красота,
С тобой я честен, не страдай напрасно.
Мы можем убежать из этих мест
Хоть к новгородцам – поп нас обвенчает...
Лишь шум утихнет, я отцу дам весть.
Он всё простит, во мне души не чая.
Да и не сможет он меня проклясть:
Я рода древнего последний отпрыск знатный.
Когда вернёмся, ты получишь власть —
Боярыней поедешь в путь обратный.
Все куньи, соболиные меха,
Лишь пожелай – пойдут тебе на шубы.
Любой силком тебя лобзавший хам
Перед тобой падёт, кусая губы.

Их разделял серебряный кувшин,
В кромешной тьме мешавший Изяславу,
Но лишь его убрал боярский сын —
Из цепких пальцев вырвалась Любава.
Её высокий голос в тишине
Звучал теперь необычайно твёрдо:
– Ты мог бы руку предложить княжне,
Послать к заморской баронессе гордой
Болтливых сватов. Там бы был успех —
Ведь ты умён, красив, богат безмерно.
Любая из невест прекрасных тех
Могла бы стать женой, навеки верной.

Но ничего похожего у нас
Не может быть, и только оттого лишь,
Что ты не люб мне вовсе и сейчас
Меня здесь держишь и опять неволишь.
Сюда приехав, больше не проси
О новых встречах у речной протоки...
– Ты говорила же, что я красив...
– Но мы безмерно душами далёки!

Ты словно конь, не знающий стремян,
Что, не боясь ни ссадин, ни увечий,
Кусты ломая, рожь топча, бурьян,
Летит к обрыву – гибели навстречу.

Она спустилась по ступенькам вниз,
Остался Изяслав, объятый гневом.
Он вновь качнулся, взялся за карниз
Над сводом спуска – там, где скрылась дева...
И тут шаги услышал Изяслав,
Они звучали странно, необычно —
Стонали доски, каждый скрип издав,
Но крылась робость в этих звуках зычных.
Он бросил взгляд на звук шагов в ночи,
Стремясь вдали увидеть великана,
Но человек не нёс с собой свечи —
Он шёл впотьмах, и это было странно.

И хоть боярский сын и пил с утра,
Уже нетрудно было догадаться,
Что это Васька – конюх со двора,
Тот, что тому назад уж лет пятнадцать
Полуживого Когтя в дом привёз,
Сам получив тяжёлое увечье...
Теперь он мог лишь убирать навоз
Из конских стойл и класть дрова у печи.
Он уж лет пять как полностью был слеп
И ни к какой работе не пригоден.
Ворчала челядь:
– Ест господский хлеб,
А проку нет – он лишь добро изводит.
Не спорил конюх – что здесь возражать
И обижаться, если стал уродом?
Он жил один: его крестьянка-мать
В тяжёлых муках умерла при родах.

Одна Любава пожалеть могла
Василия – богатыря слепого
И дать ему с господского стола
Вина и яств, утешив добрым словом.
Она ждала сегодня Василька —
Его так иногда звала Любава —
У спуска в погреб. Он к ней шёл, пока
На ощупь не столкнулся с Изяславом.

– Ты что, холоп, работой обделён?! —
Склонился Василёк в поклоне низком. —
Ну ладно, всё... Ступай отсюда вон.
Не подходи ко мне сегодня близко.

Сошёл Василий по ступеням вниз.
Боярский сын свечу крошил в ладонях...
Вдруг мысль пришла откуда ни возьмись,
Что неспроста явился этот конюх.
И Изяслав спустился на этаж,
Встал в полумраке у перил неслышно.
Он затаил дыхание, как страж,
Пост охранявший в позе неподвижной,
И наблюдал, как девица тайком
Слугу слепого угощала щедро.
И от досады таял в горле ком,
А пальцы тёрли поручень из кедра.

«Ему ведь скоро будет тридцать лет,
Он ей годами явно не подходит...» —
Подумал Изяслав и сжал стилет,
Отцом добытый в воинском походе.

Но стук копыт донёсся в этот миг
И в створ ворот тяжёлые удары.
В господский дом, как вихрь, ворвался крик
И разлетелся вдоль села:
– Татары!!!
Вставал рассвет над Волгой молодой,
По всей округе был покой утерян...
Звучал набат, его тяжёлый бой
Повелевал идти в боярский терем.

II

Уже с утра шла битва под селом,
Вокруг пожарищ вился пепел крупный.
Но терем, ограждённый сточным рвом,
Был укреплён, как замок неприступный.
Сумел Андрей Иванович отбить
За это время две атаки долгих.
Кто не успел протоку переплыть,
Тот принял смерть в холодных водах Волги.
Другие гибли прямо возле стен
От метких копий и смолы кипящей.
Десятки трупов кочевых «гостей»
Покрыли землю и поток бурлящий.
Чуть стихнет битва – дух переводил
Могучий Коготь. В шлеме и кольчуге
Он управлял всей расстановкой сил —
На стены шли и ратники, и слуги...

И лишь подставив грудь под жбан воды,
Он начинал рычать, едва не плача:
– Где Изяслав?! Неужто от орды
Он убежал, как трус и сын собачий?!

Ещё с рассветом Коготь из села
Отправил в город всех негодных к битве
И с ними весть в Торопец посылал,
Проя жену отпеть его с молитвой.
Когда затем посыльные пришли
От ханских войск и речь вели о сдаче,
Он так клеймил «владыку всей земли»,
Что перевёл толмач намного мягче.
Теперь, готовый к штурму в третий раз,
Боясь огня, особенно в подвале,
Боярин храбрецам давал наказ —
Тушить те стрелы, что огнём пылали.

Заря давно успела отцвести,
Когда ко рву подъехал всадник страшный,
С ним русский пленник, чтобы речь вести,
Он прокричал, взглянув на стены башни:
– Того, кто хочет жизнь вручить судьбе,
Зовёт Ягыл – в орде великий воин.
Он бой ведёт лишь с равными себе,
Его копыта безродный недостоин.

Тогда со стен слышалось в ответ:
– Мы в лагерь ваш бойца на смерть не вышлем!
Тут у монголов краткий был совет,
Затем с позиций вражьих стало слышно:
– Мужей по десять с каждой из сторон
Допустим наблюдать за битвой лучших,
А судят бой – у нас такой закон —
Начальники двух войск, войну ведущих.

У Когтя был дружинник Ясноок,
Годами молод, но в бою искусный.
Они в поход ходили на восток
И по Днепру спускались вплоть до устья.
Он знатен родом был, но небогат,
Широкий в плечах, наездник дивно ловкий,
Густые кудри на заклёпки лат
Спускались из-под шлема лучшейковки.
Боярин, помня, что дружинник юн,
Ему прощал легко, без тени злобы,
За мягкий нрав и мужество в бою
То, что другому вряд ли с рук сошло бы.

— Дозволь, Андрей Иванович, ты мне
С язычником сразиться в схватке смертной, —
Промолвил Ясноок, — я на коне
Уверенней сию, и меч заветный,
Отцовский дар, меня не подводил
(Ведь ты же сам назвал тот бой геройским!)
Уж я не струшу в битве и седин
Твоих не опозорю перед войском!
— Он первый поединщик среди них, —
Ответил Коготь, побледнев немного, —
Да и в плечах таких, как ты, двоих
Пошире будет. Смолкни ради Бога!
— Тот, кто в плечах невиданно широк, —
Неповоротлив и коню обуза, —
Не умолкал бесстрашный Ясноок, —
И от копья труднее спрятать пузо.
Другой же поединщик всё равно
Не вызвался на бой, пугаясь крови...
Вздыхнул боярин, бросил взгляд в окно...
И дал приказ коней и плот готовить.

На берегу поставили шатры
Для двух вождей, их ярко-красный войлок
В передней части был почти открыт.
Вблизи от них располагались стойла.
К своим шатрам по десять человек
Пришли и сели на щиты у входа.
С утра подмёрзнув, потемневший снег
Стал твёрдым настом от шатров поодаль.

Вот появился первым Ясноок.
На белом скакуне, в доспехах бурых,
Он проскакал, красуясь, и не смог
Не показать изящества аллюра.
Шагов за двести от него тотчас
Противник грозный выехал навстречу.
Огромный конь крошил копытом наст,
Он чёрен был, как степь в беззвёздный вечер.
Копьё, что весит пуд, держал Ягыл —
Немного тоньше, чем бревно для мачты.
Округлый щит обит железом был.
Спокойный взгляд, уверенный и мрачный,
Он перед боем бросил на врага,
Поправив островерхий шлем из кожи,
Хвосты лисиц свисали по бокам...
Все десять русских вздрогнули: «О Боже!»

И вот трубит сигнал огромный рог.

Враги помчались, словно буйный ветер.
Удар был страшен, храбрый Ясноок,
Углом подставив щит, атаку встретил.
И только потому спасён и был —
Копьё удар скользкий наносило.
Качнулся витязь, конь встал на дыбы
И чуть не рухнул, побеждённый силой.

Но встречного удара мог Ягыл
Не отражать — монгол, не дрогнув телом,
Промчался дальше, там поворотил
И полетел назад — докончить дело.
На этот раз пудовое копьё
Пробило горло юного героя.
Душа, познав бессмертие своё,
Со стайей птиц вспорхнула с поля боя.
Ягыл нарочно медленно к шатру
На чёрном скакуне своём подъехал,
Сняв с острия копья, рукой швырнул
Под ноги Когтю голову со смехом.

Все те, кто знал боярина давно,
Со страхом ждали грозного ответа.
Он бледен стал, как снег, как полотно,
Что на лугах крестьянки стелют летом.
Боярин встал, две красных полосы
Остались на щеке от брызг кровавых:
— Да, я тебе не ровня, пёсий сын, —
Мой род идёт от Храброго Мстислава,
Что основал Торопецкий удел.
А ты, я вижу, сотник неприметный...
Но был убит один из тех людей,
Кто мог, как сын, мне старость сделать светлой.
И потому готовься к бою вновь.
Я выйду сам, и хоть обычай вздорный
Велит другому мстить за эту кровь, —
Она мне щёку жжёт клеймом позорным.
Ты перед смертью помолись воде,
Огню, камням и идолам рогатым.
Прощайся с солнцем. Светят нам везде
Его лучи, но нет пути лишь в ад им.

Ягыл не понял этих грозных слов,
Но общий смысл ему и так был ясен.
Ответ гортанный ветром разнесло
Над снежным настом в пятнах свежей грязи.

И вот бойцы к исходным рубежам
Пустились рысью. Все вокруг притихли.

Пыхтели кони, на ветру дрожа,
Готовые помчаться в бой, как вихри.
Рог протрубил, и два копыя, гремя
О вражий щит, разбиты были в щепки.
Враги качнулись в сёдлах, но стремян
Не потеряли, взяв поводья крепко.
Тогда Ягыл не стал копьё менять.
Почуяв то, что конь его ослаблен,
Он соскочил и, ножны сняв с ремня,
Вмиг обнажил клинок восточной сабли.
И тут же Коготь следом за врагом
На землю прыгнул на глазах у войска,
И русский меч у волжских берегов
Скрестился с саблей из степей монгольских.

Они рубились из последних сил.
Тут Коготь понял хитрость супостата —
Боярин в щит удары наносил
Уже слабее, тяжелели латы,
И не хватало воздуха бойцу:
Мешал годов прожитых груз тяжёлый.
Он щит приблизил к потному лицу
И с силой сжал на рукояти жёлоб.

Всё было ясно: долгий бой теперь
Не для него – нельзя вдохнуть без хрипа!
Идти на риск! Он взвыл, как дикий зверь,
Шагнул вперёд и сделал ложный выпад.
Ягыл раскрылся, щит отвёл чуть-чуть,
И Коготь вмиг, стремясь закончить схватку,
Туда, где шкуры лишь прикрыли грудь,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.